

На правах рукописи

Абилкаламова Алина Булатовна

СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА С. БОЭЦИЯ

09.00.03 – История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Томск 2011

Работа выполнена на кафедре истории философии и логики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Найман Евгений Артурович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Сычева Светлана Георгиевна

кандидат философских наук
Платонова Анастасия Валерьевна

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Красноярская государственная академия музыки и театра»

Защита состоится 20 декабря 2011 года в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.01 при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36, учебный корпус № 4, аудитория № 306.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан ____ ноября 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

И. А. Эннс

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Одна из самых первостепенных задач философии – исследование собственного языка. Отсутствие такой саморефлексии порождает множество философских проблем, которые в своей сущности являются проблемами философского языка. Опасность попасть в языковую ловушку увеличивается тогда, когда философский язык используется в чуждой для себя области. Во времена Северина Боэция такой областью была теология. Конечно, рассматриваемые нами проблемы причастности и применимости категорий в высказываниях о Боге, если не совсем отошли в прошлое, то, по крайней мере, потеряли свою актуальность, однако примечателен тот способ, которым их решает Боэций. Он заново конституирует пространство теологического языка, и его метод заслуживает того, чтобы быть представленным в качестве средства решения подобных проблем.

Исследование философского языка представляется еще более важным, если принять во внимание тот факт, что средствами языка философия формирует мировоззрение. В философском языке уже представлена определенная картина мира, и все, что мы хотим выразить, окрашивается в ее тона. Боэций целенаправленно работал над созданием метафизической картины в латинском философском языке, возможно, ее контуры и по сей день очерчивают наше философское мировоззрение.

Критическое отношение к языку предполагает знание историко-философских условий его возникновения. В рамках этой задачи исследование языка Северина Боэция представляет наибольший интерес. Вклад Боэция в создание философского языка колоссален. Его переводы с греческого, имевшие огромное значение для средневековой философии, актуальны и по сей день. Эти переводы преследуют двойную цель: максимально точно передать язык оригинала и найти наиболее подходящий способ выражения философского содержания в новых языковых условиях. Боэциевские переводы Аристотеля сохраняют лаконичность и неоднозначность оригинального текста. Ясности и содержательности он добивается в своих комментариях с помощью экспликации тех соображений и правил, которыми он руководствуется как философ и переводчик. Лингвистическая рефлексия не только помогает ему обосновать свой перевод – Боэций стремится регламентировать философский узус и создать целостный философский язык. И надо сказать, что его усилия увенчались успехом. «На этом

научно-философском языке Боэция беседовали в средневековых школах и университетах; на нем, считая его уже чем-то естественным и обычным, говорили знаменитые философы XVII века»¹. Таким образом, философский язык Боэция может интересовать нас и в качестве объекта историко-философского рассмотрения, и в качестве методологии исследования философского языка.

Если по своему методу философия Боэция может быть охарактеризована как лингвистическая философия, то по своему объекту она является философией языка. Боэций развил и углубил тенденции, заложенные в учении Аристотеля, в соответствии с которыми объектом философского исследования является язык – как «естественный», так и философский. Так, например, в «Топике» исследуется само диалогическое обсуждение, наличествующее в сочинениях Платона, а «Метафизику» можно рассматривать как опыт разработки философского словаря. У Боэция надстраивается еще один уровень: объектом рефлексии для него является язык Аристотеля и собственный философский язык. Боэций является создателем ауторефлексивного лингвистического стиля философствования. Философские цели достигаются с помощью рефлексии над языком, в том числе над собственным философским языком. Но если в логических сочинениях эти цели соответствуют объекту, то цели теологических трактатов находятся за пределами лингвистической области.

Условием возможности достижения метафизических целей путем исследования языка является постулат о соответствии языка бытию и мышлению. Боэциевское применение этого постулата носит активный характер: язык Боэция не только соответствует реальности – он её создает. Для того чтобы исследование теологического языка могло дать ответ на метафизический вопрос, Боэций заново конструирует язык теологии, приводя его в соответствие с метафизической картиной мира. Конструирование теологического языка осуществляется путем введения правил, имеющих философское обоснование. Эти правила ауторефлексивны: они являются результатом рефлексии над собственным теологическим языком. Поскольку речь идет о конструировании метафизической реальности в языке, который многие сотни лет был едва ли не единственным стилем западной философии, его исследование представляется делом особой важности.

¹ Майоров Г. Г. Судьба и дело Боэция // Боэций. «Утешение Философией» и другие трактаты. М., 1990. С. 316.

Проблема исследования. Проблема настоящего исследования заключается в следующем: какое влияние оказали специфические свойства философского языка С. Боэция на развитие метафизики?

Степень теоретической разработанности проблемы. Особенности боэциевского стиля чаще всего является предметом филологических исследований, в которых произведения Боэция, в первую очередь, «Утешение философией», рассматриваются с литературоведческих позиций. Но хотя язык С. Боэция можно рассматривать в отрыве от его философии, обратное невозможно, поэтому все философские исследования творчества Боэция так или иначе затрагивают тему боэциевского языка. Но если между философским содержанием и его языковым выражением усматривается лишь внешняя связь, Боэций предстает как лишенный оригинальности компилятор. Начиная с Э. Рэнда, наметилась противоположная тенденция, в рамках которой философский язык и философское учение Боэция рассматриваются как единое целое. В числе таких исследователей П. Адо, соединивший филологический и философский подходы к интерпретации боэциевских текстов; А. Квакарелли (A. Quacquarelli), исследовавший стиль С. Боэция периода теологических трактатов и «Утешения философией»; Л. М. Де Рийк (L. M. De Rijk) установивший связь между логико-семантическими аспектами философии языка Боэция и его метафизической системой. Связь логики, этики и теологии в трудах Боэция рассматривают отечественные исследователи Л. Г. Тоноян, Е. Н. Лисанюк, С. С. Неретина.

Однако до сих пор не было осуществлено целостное рассмотрение боэциевского философского языка, не были выявлены его сущностные характеристики, а также не был представлен единый стилистический фундамент разножанровых произведений Боэция.

Картину стилистических различий наиболее полно сумел отобразить современный исследователь и переводчик теологических трактатов А. Тиссеранд. В обширной монографии «Pars theologica: логика и теология у Боэция» все произведения Боэция группируются по стилистическим характеристикам². Так, например, первый комментарий к «Исагогу» Порфирия считается вводным; «Комментарий к «Категориям» Аристотеля» представляет собой образец среднего стиля; трактат «О гипотетических силлогизмах» предназначен для искушенных читателей. Стиль двух теологических трактатов («О Троице» и «О Гебдомадах»), Тиссеранд называет «темным» (*stylus obscurus*), хотя сам Боэций определяет его

² Tisserand A. Pars theologica: logique et théologique chez Boèce. Paris, 2008. P. 59.

как «стиль краткости» (*stylum brevitatis*). Очевидно, что Тиссеранд использует коммуникативно-прагматический критерий деления: теологический стиль резко отделяется от стилей логических сочинений, которые имеют целью максимально доступное изложение материала.

Тиссеранд отрицает существование непрерывности между двумя частями философии Боэция, логической и теологической, и настаивает на автономии каждой области. Действительно, логика в том виде, в котором она представлена у Боэция в комментариях к Аристотелю, не может дать прочный фундамент теологии, ибо она несовместима с христианскими догматами. К такому выводу приходит Л. Г. Тоноян, которая рассматривает теологические трактаты Боэция как выдающуюся, но неудовлетворительную попытку «соединения веры с разумом»: «использовав тщательный логико-грамматический анализ и богатый арсенал философских категорий, Боэций все же сталкивается с тем, что не все его выводы согласуются с учением Церкви... Возможно, и сам Боэций понял неосуществимость рационального осмысления догматов...»³.

Мы полагаем, что Боэций и не пытался ограничить теологию рамками аристотелевской логики, связанной с онтологией этого мира. Он стремился создать теологический язык, который бы являл собой образ высшей реальности. Средством для достижения этой цели должно было служить создание теологической грамматики, описывающей глубинные лингвистические структуры теологического языка. Эти структуры отличаются от тех, которые обнаруживаются в естественном языке, поэтому Боэций модифицирует логико-лингвистические концепции естественного языка, создавая на их основе правила теологической грамматики.

Трансформацию аристотелевского учения о категориях в теологии Боэция подробно рассмотрел А. де Либера. В статье «Онтология Боэция. Учение о категориях и теория предикации в трактате «О Троице» он провел сопоставление аристотелевского учения о категориях и модификации этого учения в теологии Боэция⁴. Де Либера представил проблему категорий в историко-философской ретроспективе, что также немаловажно для нашего исследования. Боэций создает концепции теологического языка на основе теорий, разработанных для естественного языка, осуществляя их реконструкцию с помощью метафизической

³ Тоноян Л. Г. Логика и теология (от Аристотеля до Боэция) // Историко-логические исследования. СПб., 2003. С. 78–91.

⁴ De Libera A. L'onto-théo-logique de Boèce. Doctrine des catégories et théorie de la prédication dans le De Trinitate // Les Catégories et leur histoire. Paris, 2005. P. 175–222.

интерпретации. Но последние уже нагружены определенным метафизическим смыслом, поэтому теологическая реконструкция является решением проблем связанных с предикацией по отношению Богу, проблем, которые, в сущности, являются проблемами применения к теологическому языку онтологизированных концепций, разработанных для естественного языка.

Объект и предмет исследования. Объектом диссертационного исследования являются философский язык С. Боэция. Предметом исследования является боэциевская реконструкция логико-лингвистических концепций в пространстве теологического языка.

Цель исследования. Основной целью предлагаемого исследования является определение сущностных характеристик боэциевского философского языка в контексте теологического конструирования.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Определить специфику философского языка С. Боэция и цели его использования.
2. Рассмотреть постулат о соответствии слова, мысли и вещи и обосновать возможность его применения в теологии.
3. Исследовать теорию предикации, представленную в логических комментариях С. Боэция, и выявить ее отличия от теории Аристотеля.
4. Определить проблемы, связанные с теологической предикацией, и рассмотреть способы их решения в истории философии. Дать анализ боэциевского способа решения данных проблем.
5. Осуществить реконструкцию теории предикации, которая имплицитно фундирует теологию С. Боэция, и сопоставить ее с теорией, данной в логических сочинениях. Соотнести теологическую теорию предикации с метафизическими и пропедевтическими целями теологических трактатов.

Теоретико-методологические основания и методы исследования. Теоретический базис данного исследования составили ключевые положения ведущих парадигм онтологии языка, а именно: фундаментальная онтология языка (Платон, Аристотель, Плотин, Порфирий, А. Августин); онтологическая герменевтика М. Хайдеггера; онтологические учения о языке русских мыслителей П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, А. Ф. Лосева. Значимыми для данного исследования явились основные положения лингвистической онтологии раннего Л. Витгенштейна и его концепция изоморфизма. Основное направление данного

исследования онтологии и метафизики языка сформировал метафилософский эстетический подход Е. А. Наймана.

В процессе реконструкции бозэциевской онтологии языка были особенно важны работы современных философов-медиевистов и исследователей античной философии, соединивших историко-философский подход с лингвистическими методами анализа. В числе таких исследователей: А. Тиссеранд, А. де Либер, Л. Валенте, И. Розье-Каташ, П. Обенк, М. Ламберт, А. Бек, Ч. Кан, А. Ф. Лосев, С. С. Неретина.

Главным методологическим принципом данного исследования стало рассмотрение историко-философских фактов в качестве событий и процессов. Языковое конструирование в пространстве христианской теологии является актом, сделавшим на долгое время невозможным один регистр мышления и необходимым – совершенно другой. По этой причине в основу методологии данного исследования положен археологический подход, в рамках которого осуществляется эпистемологическая, логическая и лингвистическая реконструкция.

В ходе анализа бозэциевских текстов был использован феноменологический подход, предполагающий коррелятивные отношения между материальными средствами текста и опредмеченными в них смыслами, и позволяющий «оставить за скобками» традиционное понимание. Он направлен на выявление специфической двойственности теологических трактатов: демонстративного первого плана, провоцирующего метафизическое истолкование, и укрывающегося за ним второго, лингвистического, часто оказывающегося основным. Феноменологический подход к тексту необходимо связан с герменевтическим методом, требующим глубинного внимания к языку как специфической выражающей форме и «посреднику» между автором и читателем.

В процессе исследования были использованы методы лингвистического анализа (грамматический анализ текста, контекстологический анализ, анализ употреблений, элементы стилистического анализа), методы историко-философского анализа, компаративистский подход.

Научная новизна исследования:

1. Впервые выявляются отличительные особенности философского языка С. Бозэция.
2. Фактически впервые определяется специфика теологического стиля.
3. Впервые предпринята попытка анализа бозэциевской метафизики сквозь призму теологического языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Общими принципами боэциевского стиля являются философско-лингвистическая рефлексия и пропедевтическая направленность.

2. Специфика теологического стиля обусловлена как метафизическими, так и коммуникативно-прагматическими целями. Приемы «стиля краткости» основаны на языковой компрессии: в теологических трактатах применяются механизмы смыслового и синтаксического сжатия. Смысловое сжатие нивелирует различия между логическим, онтологическим и лингвистическим уровнями смысла. Таким образом, в соответствии с тезисом о параллелизме языка, мышления и бытия, полностью совпадающих в теологической реальности, форма философского рассуждения уподобляется своему предмету. Использование синтаксического сжатия, наоборот, разделяет эти уровни, создавая возможность двойной интерпретации: онтологической, выраженной эксплицитно, и имплицитной лингвистической, основанной на автонимичном прочтении. Лингвистическая интерпретация вскрывает механизмы языкового конструирования. Таким образом, «стиль краткости» предстает как способ конструирования философского языка.

3. На скрытом лингвистическом уровне даются правила, формирующие внутреннюю структуру языка. На метафизическом уровне эти правила получают онтологическое обоснование – тем самым в структуры теологического языка вводится определенное философское содержание. Внедряя стиль теологического дискурса, имплицитно содержащий правила собственного построения, Боэций стремится сформировать определенный тип философского мышления.

Теоретическая и практическая значимость работы. Предложенный целостный подход к языку С. Боэция помогает связать между собой различные аспекты философской деятельности мыслителя. Определение специфики теологического стиля позволяет осветить «темные места» боэциевской теологии. Метафизическое обоснование боэциевского языка значительно расширяет концептуальный и методологический аппарат исследования схоластической философии, в частности, может объяснить механизм возникновения средневекового «грамматического платонизма». Реконструкция лингвистической теологии должна преодолеть серьезные герменевтические трудности адекватного описания средневековых онтологических проектов. Данная интерпретация позволяет представить философию Боэция своего рода предшественницей современной лингвистически ориентированной философии, способной вступить в серьезный диалог и в значительной степени обогатить последнюю.

Апробация работы. Главные идеи, выводы и наблюдения были отражены в научных публикациях. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории философии и логики Философского факультета Томского государственного университета.

Структура диссертации. Структура данной работы определена целью исследования, логикой изложения и отражает последовательность решения поставленных задач. В первой главе даются общие характеристики философского языка С. Боэция. Во второй и третьей показан процесс конструирования логического и теологического стиля.

Работа состоит из трех глав, введения и заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, определяются степень разработанности проблемы, цель и задачи исследования, излагаются методологические принципы, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Язык философии и философия языка» дается целостное представление о языке С. Боэция. Рассматриваются общие принципы боэциевского стиля, определяется специфика стиля теологических трактатов, проводится исследование фундаментальных философских концепций, определяющих боэциевские воззрения на лингвистические феномены и образующих теоретическую базу для создания философского языка.

В параграфе 1.1. «Общие характеристики философского стиля С. Боэция» проводится сравнительный анализ различных классификаций боэциевских стилей. Общие принципы боэциевского стиля определяются в связи с тремя основными задачами, которые ставит перед собой философ: перевода, комментирования, интерпретации. Для решения этих задач Боэций использует лингвистические методы. Главная цель – создание единого философского языка – достигается путем рефлексии над языком, в том числе над собственным философским языком. Определяются общие принципы боэциевского стиля: философско-лингвистическая рефлексия и пропедевтическая направленность. Доказывается, что эти принципы присутствуют во все жанрах произведений, на основании чего делается вывод о внутреннем единстве его философского стиля.

В параграфе 1.2. «Специфика теологического стиля С. Боэция» рассматриваются особенности стиля теологических трактатов. Стиль, получивший в исследовательской литературе название «темного стиля» (*stylus obscurus*), самим Боэцием определялся как «стиль краткости» (*stylum brevitatis*). Выдвигается гипотеза о том, что «стиль краткости» назван так потому, что его приемы основаны на языковой компрессии. Используя эти приемы, Боэций создает автономичные рефлексивные конструкции, несущие в себе правила разрабатываемого им теологического языка. Преднамеренное стилистическое сжатие скрывает смысловые и интерпретативные пласты текста, что, с учетом принятого ранее положения о единой пропедевтической основе боэциевских стилей, позволяет выдвинуть гипотезу о присутствии в теологическом стиле имплицитной пропедевтики.

В параграфе 1.3. «Принцип параллелизма языка, мышления и бытия» дается метафизическое обоснование философского стиля С. Боэция. Условием возможности достижения целей, находящихся за пределами лингвистической области, путем рефлексивного осмысления языка является постулат о параллелизме языка, мышления и бытия. Рассматривается платоническое преломление аристотелевского тезиса о параллелизме в философии С. Боэция и его непосредственного предшественника Августина Аврелия. Выявляется отличие концепций семантического отношения Августина и Боэция от аристотелевской схемы: на уровне бытия находится не чувственно воспринимаемая данность, а мыслимая вещь (у Августина) или внутренняя структура вещи (у Боэция). Указывается на согласие Августина и Боэция в том, что полное соответствие слова, мысли и вещи возможно только в божественной реальности.

В параграфе 1.4. «Проблема соответствия языка и объекта в теологическом дискурсе» рассматривается применение принципа параллелизма слова, мысли и вещи в области теологии. Исследуются историко-философские условия проблематизации теологического языка: рассматриваются взгляды Платона, Плотина, Лактанция, Григория Назианзина, Августина и Боэция. Христианские предшественники Боэция полагали, что теологические концепты невозможно репрезентировать средствами естественного языка. Эксплицируется боэциевский тезис о том, что форма теологического рассуждения должна соответствовать форме теологического объекта. В теологическом высказывании слова полностью соответствуют вещам, поскольку на уровне «вещи» находятся не внешние признаки вещей, а то, что составляет их сущность – идеи и формы

умопостигаемого мира. На уровне слова им должны соответствовать языковые универсалии: указывается, что в качестве таковых Боэций рассматривает предикативные формы. Грамматические универсалии соответствуют реальным структурам также и в естественном языке, однако они отличаются от теологических, также как естественные объекты отличаются от объектов теологии. В этой связи выявляется задача, которую ставит перед собой философ: определить специфику предикативных структур в теологическом дискурсе и сформулировать законы и принципы их построения, то есть сконструировать глубинную грамматику теологического языка.

Во второй главе «Логические концепции языка» рассматриваются универсальные принципы, присущие как естественному, так и теологическому языку, выявляются их онтологические основания и метафизическое значение.

В параграфе 2.1. «Проблемы интерпретации аристотелевской теории предикации» логико-лингвистическая концепция Аристотеля рассматривается с двух точек зрения. С точки зрения онтологического подхода теория предикации представляет собой отражение метафизики: логико-грамматические определения бытия обуславливаются аристотелевским понятием сущности. С точки зрения лингвистического подхода теория предикации представляет собой методологическую область, в которой устанавливаются фундаментальные философские концепты: категории являются производными от предикативной функции. Отмечается, что боэциевская интерпретация, в силу постулата о соответствии лингвистического и онтологического уровней, с необходимостью включает оба подхода.

В параграфе 2.2. «Теория предикации в логических комментариях С. Боэция» рассматриваются особенности боэциевской интерпретации аристотелевской теории предикации. Выявляются наиболее важные различия между концепциями Аристотеля и Боэция: Боэций рассматривает связку «есть» как предикат и наделяет её самостоятельным лексическим значением. Выдвигается гипотеза о том, что эта интерпретация коррелирует с пониманием бытия в онтологии платонического типа. В заключении делается вывод о том, что логико-лингвистические концепции Боэция являются отражением его онтологии и поэтому могут быть охарактеризованы как «грамматический платонизм».

Третья глава «Проблемы теологического языка» вскрывает механизмы конструирования теологического языка. Конструирование глубинной теологической грамматики осуществляется путем модификации правил

естественного языка; так как последние несут в себе определенное метафизическое содержание, боэциевская реконструкция решает теологические проблемы, возникшие в результате применения к теологическому языку онтологизированных лингвистических концепций естественного языка.

В параграфе 3.1. «Проблема причастности в высказываниях о Боге» квазитеологическая проблема переформулируется в проблему теологического языка. Если предикация рассматривается как выражение причастности, которая существует между онтологическим коррелятом субъекта и универсалией, сообщающей ему сущностную определенность, то применение этой схемы в теологии влечет за собой недопустимый вывод: Бог, занимающий место субъекта, получает свои атрибуты только в силу причастности самостоятельной сущности, которую репрезентирует предикат.

Далее проводится аналитическая реконструкция понятия причастности в предикации. Аристотель использует этот термин только для выражения отношений подчинения в субстанциальной предикации, Порфирий распространяет его также на акцидентальную предикацию. Указывается, что данный перенос обусловлен терминологической неоднозначностью аристотелевских текстов. Единая предикативная схема, к которой комментаторы стремятся свести различные формулировки Аристотеля, нивелирует проводимые им различия, что приводит к смешению логических отношений подчинения с лингвистическими предикативными отношениями в предложении.

Далее рассматривается использование понятия причастности у Боэция. Контекстуальный анализ употреблений данного термина не позволяет определить ни область его применения в качестве технического термина, ни его метафизическое содержание. Если принимать постулат о соответствии слова, мысли и вещи, логические и лингвистические теории должны быть вписаны в общую онтологическую картину. Поэтому для прояснения боэциевского понимания причастности, необходимо исследовать онтологический статус тех сущностей, которые репрезентирует акцидентальный предикат. В результате данного исследования делается вывод о том, что в высказываниях естественного языка онтологически фундированных отношений причастности быть не может, поскольку функция акцидентального предиката соответствует способу бытия заключенной в материи формы.

Затем исследуется вопрос, может ли субъект теологического высказывания, онтологическим коррелятом которого является форма, лишенная материи, быть причастным предикату. Онтологический статус универсалий, которым

соответствуют предикаты в теологическом высказывании, определяется онтологическим статусом субъекта: если универсалии присоединяются к чистой форме, они сами становятся чистыми формами. Указывается, что в трактате «О Троице» Боэций вводит общее правило, которое распространяется как на естественную, так и на теологическую предикацию: предикаменты таковы, какими позволяют им быть субъекты. В связи с этим отмечается, что Боэций переносит проблему причастности в пространство категорий.

Параграф 3.2. «Проблема категорий в теологическом языке» начинается с изложения апории категорий в высказываниях о Боге. Затем прослеживается связь между аристотелевской теорией предикации и учением о категориях. С точки зрения лингвистической интерпретации категориальное значение предиката определяется предикативной функцией, тип которой зависит от субъекта. Указывается на корреляцию данного положения с боэциевским тезисом: предикаменты таковы, какими позволяют им быть субъекты.

Далее рассматривается специфика предикативной структуры теологического высказывания. В теологической предикации отсутствует субъект, поскольку форма, отображением которой он является, не является подлежащим. В качестве подлежащего выступает материя, с которой связан субъект в естественной предикации. Глубинную структуру теологического высказывания образует глагол «есть» и субстанциальный предикат. Данная реконструкция позволяет выявить метафизические основания боэциевской теологии. Вследствие бессубъектного употребления глагола бытия происходит лексикализация его грамматического значения (значения связки). Метафизический смысл глагола «быть», соединяющий в себе онтологическое, логическое и лингвистическое значение (бытия, истины и единства), соответствует определению Бога в онтологии неоплатонического типа. Субстанциальные предикаты, онтологическими коррелятами которых являются чистые формы, не только получают в пространстве теологического высказывания сущностное бытие, но и являются его неотъемлемыми конституирующими свойствами (*ipsum esse faciunt quod dicitur*)⁵.

Доказывается, что Боэций вводит правила построения теологического высказывания, используя прием «стиля краткости», а именно синтаксическую компрессию. В результате пропуска глагола-связки в эллиптической конструкции, «есть» начинает функционировать как автоним и переходит на уровень языка-

⁵ Boethius. *Quomodo Trinitas Unus Deus Ac Non Tres Dii* // Migne J.P. *Patrologia Latina*. Paris, 1847. Vol. 64. Col. 1252B.

объекта. Отмечается, что такое прочтение возможно при отсутствии гетерограмматических символов или иных средств выражения автономии в письменной речи. Обосновывается возможность лингвистической интерпретации предложений, написанных в стиле краткости. Показывается, что лингвистическая интерпретация согласуется с онтологической, поскольку обе они выражают соответствующие друг другу уровни одной реальности.

Экспликация функции теологического стиля позволяет обозначить пропедевтические цели теологических трактатов. Устанавливаемые Бозэцием имплицитные правила вносят в структуры теологического языка метафизический смысл, который высказывается при одном только воспроизведении данного стиля. Поэтому высказывание, приписывающее Богу какой-либо атрибут, будет являться утверждением сверхсущностного бытия идей.

В Заключении формулируются основные выводы исследования, намечающие направления дальнейшей разработки данной темы.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, рекомендованных ВАК:

1. Абилкаламова А. Б. Особенности стиля Северина Бозэция. / А. Б. Абилкаламова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 342, январь. – С. 40–43.

2. Абилкаламова А. Б. Проблемы предикации в теологии Августина Аврелия и Северина Бозэция. / А. Б. Абилкаламова // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 350, сентябрь. – С. 40–45.

3. Абилкаламова А. Б. Проблемы предикации в теологии Августина Аврелия и Северина Бозэция. / А. Б. Абилкаламова // Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология. – 2011. – № 4 (16). – С. 141–147.

Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а